

АЛЬБИНА СКОРОДУМОВА

ЗАПАДНЯ ДЛЯ ОЛИГАРХА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Альбина Скородумова
Западня для олигарха

«ВЕЧЕ»

2016

Скородумова А. Ю.

Западня для олигарха / А. Ю. Скородумова — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4444-8712-9

Старинный медальон, попавший в руки олигарха-авантюриста и молодой исследовательницы древних раритетов, кардинально меняет их судьбы. Олигарх бросает свой бизнес, ученая дива — возлюбленного и работу. Объединившись, они, как в омут, бросаются на поиски неведомой пещеры Сигоры, где хранятся сокровища богатейшего племени айяндаков, потомков великого Чингисхана...

ISBN 978-5-4444-8712-9

© Скородумова А. Ю., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Альбина Юрьевна Скородумова

Западня для олигарха

© Скородумова А.Ю., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

От автора

Я родилась в маленьком горняцком городке, затерянном в горах Рудного Алтая. Со всех сторон он был окружен, словно стенами, холмами и пригорками, поросшими роскошными лесами, и находился в котловине между гор. Я настолько привыкла к такому пейзажу, что много позже, уже во взрослой жизни, приезжая куда-нибудь в новое место, всегда искала глазами горы. Когда ты родился и вырос в горах, трудно привыкнуть к равнинной местности. Есть в нем какая-то незаконченность, незавершенность... Так и хочется сделать два-три мазка кистью, чтобы хотя бы в отдалении, у самого горизонта, в легкой дымке просматривалось некое подобие горной гряды.

Путь до областного центра – очага цивилизации и культуры – на рейсовом автобусе превращался в настоящее путешествие по извилистым горным «серпантинам», мимо каменистых горных кряжей, отполированных ветрами и дождями до зеркального блеска... Обо- жала ездить по этому маршруту и часами могла смотреть в окно автобуса, вспоминая сказки Бажова. На пути следования были любимые места – я запоминала и давала имена особенно понравившимся горным вершинам или каменным группам, коих на этом пути было видимо-невидимо, находила дом для Хозяйки медной горы или Огневушки-Поскакушки... А вот на поезде я ездить не любила, потому что станция, которая находилась километрах в десяти от нашего города, была тупиковой. Уехать можно было только в один конец. А с другой сто- роны, там, где заканчивались рельсы и станционные строения, была дорожка ... в никуда. Она убегала вверх, в отроги гор, терялась где-то в зарослях дикой малины и неведомых мне колючих кустов, окутывавших своей зеленью нереальной красоты склоны. Казалось, что именно эти горы и скрывали меня от большего мира, от интересной бурлящей жизни, а боль- шие города – Москва и Ленинград – были так же далеки, как Луна и Солнце.

Именно из-за этой тупиковой станции мне казалось, что живу я на краю земли. Очень хотелось мне забраться на самую высокую вершину Алтая – красавицу Белуху, которую видела на картинках – ослепительно-белую, сияющую в золотистых солнечных лучах на фоне ярко-голубого неба, чтобы с огромной высоты посмотреть на то, что же там внизу. До Белухи езды было немного, километров сто пятьдесят, но покорять ледяную красавицу желающих в те времена было немного, да и никакой транспорт туда не ходил. Так и оста- лась моя мечта нереализованной, а самой высокой мною покоренной вершиной стала гора Орел (1156 метров над уровнем моря) – главная достопримечательность предместий нашего городка, видная из любой его части, которую местные остряки прозвали «бельмом на глазу города».

Забраться на эту вершину мне удалось лишь однажды в составе группы отчаянных любителей спортивного ориентирования. Подъем на гору был непростым: колючие ветки кустарников царапали лицо и цеплялись за одежду, каменистая, узкая тропинка постоянно петляла, сбивая с пути, да и отчаянно палящее солнце радости не прибавляло. Казалось, что гора делала все возможное, чтобы не пустить на свою вершину группу гогочущих, орущих подростков, усмирить которых могли только строгие тренеры. Но сложный подъем стоил того – вид с горной вершины на маленький город, лежащий в котловине между двумя хреб- тами, впечатлял.

Однако после этого восхождения я поняла, что имел в виду Владимир Высоцкий, утверждавший в своей песне, что «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал» – покоренная вершина теряет свое очарование и притягательность, становится уже не мечтой, а обыденной реальностью. Поэтому всякий раз надеешься, что новая вершина будет лучше, загадочнее той, которой уже овладел.

В середине 80-х годов я приехала в Ленинград, чтобы остаться здесь надолго, возможно, что и навсегда. Раза три или четыре навещала «малую родину», родных и знакомых, но больше чем на пару дней не оставалась никогда. Дела... Когда начинала скучать, ностальгировать, нет-нет да и набирала в поисковике заветные слова «Бухтарминский край» и находила много нового, чего никогда раньше о своем родном крае не знала.

Занятие это оказалось весьма увлекательным, поиски информации затягивали, а профессиональные навыки журналиста и богатая фантазия привели к тому, что я написала этот роман. Не судите строго, если, дочитав до конца «Западню...», вдруг почувствуете легкую недосказанность. Это всего лишь маленькая хитрость. В следующих книгах мои герои продолжат свои удивительные путешествия и поиски, и Вы вместе с ними сделаете еще не одно открытие. Ведь ностальгия не проходит бесследно, а загадкам седого Алтая несть числа.

Часть первая

*Нельзя заходить в спальню к Богу,
Даже если его там нет...
Из репертуара группы «Ундервуд»*

Глава 1

– Марина Юрьевна, к вам посетитель... Опять.

В дверях кабинета стояла, виновато опустив глаза, ассистентка Анюта.

– Я не смогла ему отказать.

– Ну почему, Анечка?.. Я же вам с утра сказала, что меня ни для кого нет! Если я не закончу сегодня эту статью, меня шеф на кусочки порежет. Или вы именно этого и добиваетесь?..

– Ну что вы, Марина Юрьевна!.. – Анюта прижала руки к груди и сделала такое виновато-несчастное лицо, что сердиться на нее было просто невозможно. – Просто этот мужчина такой импозантный... Я не смогла ему соврать... Ой, простите... Не смогла ввести его в заблуждение!

Марина удивленно посмотрела на зардевшуюся девушку. Чем-чем, а своим умением мастерски лгать Анюта выгодно отличалась от всех своих предшественниц. Делала она это виртуозно, глядя на собеседника честными-пречестными глазами.

– Ладно, где он?

– У кабинета Максима Петровича, да я вас провожу...

«Ей хочется еще раз взглянуть на гостя», – поняла Марина и двинулась вслед за своей ассистенткой, хотя пройти к кабинету начальника смогла бы и с закрытыми глазами.

Еще четыре года назад Марина Рябина была никому не известной выпускницей специального факультета переподготовки специалистов по востоковедению Санкт-Петербургского университета, по счастливому стечению обстоятельств ставшей сотрудницей музея антропологии и этнографии, более известного как Кунсткамера. Работая над диссертацией, она проводила факультативные семинары для студентов, а в летние месяцы подрабатывала экскурсоводом.

Этнокультуроведческое направление ее кандидатской тогда было мало кому интересно. Но после блестящей защиты диссертации и публикации нескольких монографий и статей в солидных научных изданиях к ней стали проявлять интерес. Сейчас она была уже ведущим научным сотрудником, кандидатом исторических наук, преподавала на востфаке, а в качестве эксперта-обозревателя сотрудничала со многими известными изданиями.

История Великого шелкового пути, которая была основным предметом профессиональной деятельности Рябиной, казалось бы, изучена от и до. Археологи перекопали тонны песка и земли, этнографы нашли и проштудировали тысячи манускриптов той поры, но нет-нет да и всплывало из глубины веков что-нибудь этакое, начинающее раскачивать и без того зыбкое историческое спокойствие... Никто не знает, сколько еще тайн скрывает пустыня Такла-Макан и пещеры в труднодоступных уголках Памира и Алтая. Марине очень хотелось разгадать хотя бы одну.

Первая же поездка на Алтай оказалась для нее настоящим «клондайком» – Марина буквально дневала и ночевала в краевом архиве, где отыскивала уникальный материал для своей диссертации, а также массу интересных фактов, которые потом использовала при написа-

нии статей. Позже на собственные, с большим трудом сэкономленные деньги она ездила по небольшим алтайским и казахстанским городкам, где имелись краеведческие музеи, и чемоданами привозила оттуда исписанные мелким почерком тетради.

По трудам и честь – именно алтайские экспедиции сделали Марину известной. В Финляндии, во всяком случае. Там исследование Рябининой о быте чудских народностей, оставивших след в отдаленных горных районах Алтая, вызвало огромный интерес. Оказывается, самый известный в мире финн – барон Карл Густав Маннергейм, будучи полковником русского Генштаба, – тоже побывал в этих местах в 1906–1908 годах и даже предоставил правительству отчет о своей поездке по Восточному Туркестану. Конечно, для финских этнографов все это не было новостью, однако детали – фотоматериалы, привезенные Рябининой с Алтая, рассказы местных жителей о том, какими необычными, загадочными были люди из племени «чудь» – вызвали в стране Суоми немалый интерес, и Рябинина стала там частым гостем.

Недовольна была только ее мама, Галина Алексеевна, которая, глядя на дочкины рукописи и газетно-журнальные публикации, вздыхала: «Когда ж ты замуж-то выйдешь, а?»

Марина молчала. Она не решалась рассказать, что именно в Финляндии, которую полюбила всем сердцем, она оставила кусочек оного, встретившись в Этнографическом музее Хельсинки с ученым из Кёльна Гюнтером Зоммером, изучающим историю Великого шелкового пути. Предметом его обожания и подражания был великий немецкий географ Фердинанд Пауль Рихтгофен, большую часть жизни посвятивший изучению Юго-Восточной Азии. Именно Рихтгофен ввел в научный оборот сам термин «Шелковый путь», которым называют системы караванных путей, связывавших на протяжении многих веков культурные центры всего евразийского пространства – от Китая до Средиземноморья.

Получается, что связал он также и судьбы двух людей...

Марина ничего не рассказывала маме про Гюнтера, чтобы пощадить ее сердце. Ведь ее избранник был женат, имел двух чудесных сыновей-близнецов. Но каждая ее поездка в Хельсинки, где Гюнтер проводил много времени, или в Кёльн, где он жил со своей семьей, была возможностью хоть какое-то время, пусть даже день или два, побыть вместе...

...Глядя на широкую спину Анюты, которая довольно ловко лавировала по извилистому университетскому коридору, Марина почему-то была уверена, что посетитель будет интересоваться именно «финскими мотивами». Хотя эта тема была скорее «побочным продуктом» ее основной работы, многие к ней обращались именно как к эксперту по финской тематике.

Пробираясь через катакомбы из видавшей виды студенческой мебели, она думала о том, чем же посетитель поразил Анюту. В чем кроется его эта самая «импозантность»? Славная девушка Аня выполняла по негласной договоренности роль ее телохранительницы и проявила все задатки сурового цербера. А тут вдруг оказалась такой сговорчивой...

Мужчина в дорогом светло-сером костюме сидел на промятом диванчике в приемной шефа, просматривая свежий номер «Делового Петербурга». Обветшалая обивка дивана слишком уж невыигрышно диссонировала с его весьма элегантным видом.

В приемной было пусто, так как в это отпускное время на кафедре осталось человек пять-шесть, не больше. Увидев девушек, посетитель отложил газету, легко поднялся с дивана и направился им навстречу.

Пока Аня представляла мужчине Марину Юрьевну, перечисляла ее регалии, не сводя с посетителя восторженных глаз, они внимательно разглядывали друг друга.

По всей видимости, он был приятно удивлен. Не ожидал, что научным сотрудником, крупнейшим специалистом в области этногенеза малых народностей, населявших Среднюю Азию, может оказаться хрупкая симпатичная женщина лет тридцати – стильная,

довольно броская (учитывая ярко-рыжий цвет волос и стрижку перьями) и уверенная в себе. Скорее бизнесвумен, чем книжный червь.

Это обстоятельство очень порадовало мужчину. Ведь по коварному плану, придуманному Шефом, ему с этой Мариной Юрьевной придется провести вместе не один день... А с красивой обаятельной женщиной проводить вместе время куда приятней, чем с гримзой в роговых очках.

Марине одного взгляда было достаточно, чтобы позиционировать этого красавчика как денди. Причем не в лучшем значении этого слова. В нем всего было «слишком» – безупречная укладка светло-русых волос, идеальный маникюр, холеное ухоженное лицо, как будто он только что сошел с подиума, где демонстрировал не только модный костюм, но и себя любимого...

Дождавшись, когда Анюта уйдет, он представился:

– Аркадий. Приехал к вам из Москвы по очень важному поручению.

– Заинтригована. Надеюсь, ваш поручитель не самый главный человек в Кремле?..

– Нет, но мой шеф – человек довольно известный, – значительно начал Аркадий. – В определенных кругах, разумеется. Он владелец крупного пакета акций известной нефтяной компании. Имеет свою долю в...

Марина, взглянув на часы, самым бесцеремонным образом его перебила:

– Я не располагаю таким запасом свободного времени, чтобы выслушивать все регалии вашего поручителя. Имя-то у него имеется?

– Владлен Алексеевич Троеглазов. Могу ли я попросить вас, чтобы мы перенесли наш разговор в более комфортную обстановку?

– Не возражаю. Сегодня я должна закончить очень срочную работу. Подъезжайте за мной в 18.30. Там и определимся.

С этими словами Марина развернулась и двинулась к своему кабинету.

Красавец при всей своей обворожительности ей совершенно не понравился. Поэтому она не стала слишком уж с ним церемониться. А вот фамилия Троеглазов показалась ей очень знакомой...

«Вечером побеседуем, а сейчас всякой ерундой голову забивать не буду», – размышляла Марина, поудобнее усаживаясь за свой компьютер. Работа предстояла большая. Максим Петрович ждал от нее статью.

Любезный учитель, начальник и просто замечательный товарищ Максим Петрович Мазуров, в соавторстве с которым они опубликовали несколько серьезных статей, безжалостно использовал ее умение писать быстро и увлекательно. Сам он безмерно страдал оттого, что не умеет излагать свои идеи на бумаге. Зато Марина, еще в школе получавшая неизменные 5/5 за сочинения и изложения, умела «из ничего конфетку сделать», то есть за короткий срок и при небольшом количестве материала написать интересное научно-популярное эссе. Поэтому к взаимному удовольствию они часто готовили статьи совместно: Мазуров тезисно излагал Марине суть того, что должно быть отражено в статье, а она приводила его умные, но непричесанные мысли в надлежащий вид и требовала за свою работу «гонорар». Это могла быть нужная ей командировка куда-нибудь за тридевять земель, отпуск на недельку без оформления бумаг или что-нибудь в том же духе...

За эту статью она хотела выбить командировку в Финляндию, где сейчас работал Гюнтер. Он давно уже просил ее приехать, да и Марина сильно по нему соскучилась. Свой очередной отпуск она провела в поездке по Алтаю: ходила по туристическому маршруту по следам экспедиции Рериха. Именно ходила, поскольку маршрут был рассчитан на пешие многокилометровые «прогулки». Три недели пронеслись стремительно, она привезла много интересных снимков, записей. Так что отпуск был скорее похож на очень насыщенную дело-

вую поездку, а не на отдых. Времени на то, чтобы на несколько дней съездить к любимому мужчине, не осталось. Пришлось долго уговаривать Максима Петровича, чтобы тот отправил ее в Хельсинки в ближайший понедельник. Безумно хотелось увидеться с Гюнтером, который как раз там сейчас находился. Шеф обещал что-нибудь придумать, но за это потребовал написать статью для научного вестника Тартуского университета, которую Марина обещала закончить сегодня к 18.00.

Больше никто в этот день не проявлял интереса к скромной личности Рябиной, и последнюю точку она поставила гораздо раньше намеченного времени. Собралась пораньше уйти, но вовремя вспомнила про столичного красавчика – он должен был подъехать к 18.30. Значит, есть еще час свободного времени, и можно проверить, кто такой этот Троеглазов...

Марина вошла в поисковую систему Google, ввела фамилию Троеглазов и приготовилась долго ждать. Но ответ пришел молниеносно – ссылок в Интернете на этого господина было предостаточно, он оказался человеком известным. Скорее даже скандально известным, если проследить за его биографией. Понятно, что всю правду о Троеглазове из подборки газетно-журнальных статей узнать было невозможно, но кое-что, характеризующее его как очень ловкого дельца и удачливого человека, там все-таки присутствовало.

«Владелец заводов, газет, пароходов» и еще черт знает чего оказался большим любителем путешествий по местам загадочным и крайне необычным. То он активно исследует место падения Тунгусского метеорита, то «Гнездо огненного орла» – таинственную аномалию в Восточной Сибири, то вступает в активную полемику с уфимским офтальмологом Мулдашевым, пытающимся убедить человечество в том, чего нет. А вот отправляется исследовать древний город Аркаим в Челябинской области, названный «славянской Троей»... Не обошел Троеглазов своим вниманием и Алтай, который после многочисленных публикаций о раскопках кургана «Алтайской принцессы» на плато Укок стал очень популярен.

В общем, разносторонний такой дяденька с «говорящей» фамилией. «Третий» глаз, как утверждают эзотерики, дает возможность увидеть то, что скрыто от других. А уж в его детдомовском прошлом умение скрывать что-то от других ценилось очень высоко. Выше ценилось только умение отыскивать тайники. В этом детдомовцу «Троеглазу» равных не было...

Глава 2

Троеглазов курил невероятно много. Это была одна из дурных привычек, доставшаяся ему в наследство от тяжелого детдомовского времени. К алкоголю относился совершенно спокойно, но без выкуренной сигареты не мог начать ни одного дела.

О Марине Рябининой он узнал совершенно случайно – из обзора мониторинговой группы «Артефакт», в котором отмечались публикации об аномальных явлениях и археологических открытиях на территории Сибири, Алтая и Урала. Такие обзоры «Артефакт» присылал Троеглазову еженедельно. Несколько раз Владлен Алексеевич находил там ссылки на исследования историка из Санкт-Петербурга Марины Рябининой, которые понравились ему своей лаконичностью и четкостью изложения. Троеглазов захотел с ней познакомиться, чтобы привлечь к своей работе. Точнее – к «Великому походу», который готовил уже несколько лет.

Но сначала он отправил к Рябининой своего порученца, чтобы этот «сердцевед» подготовил подробный отчет о том, что же представляет собой интересующая его особа. Насколько умна и владеет темой, капризна или нет, к чему питает слабость, не имеет ли каких-либо проблем со здоровьем. В общем, полную и подробную картину, как на рентгеновском снимке.

Аркадию не раз приходилось заниматься подобными «исследованиями» интересующих начальника персон женского пола, и, надо признать, делал он это мастерски. Троеглазов всегда удивлялся его умению быстро располагать к себе женщин, которые в него немедленно влюблялись. В головном офисе Троеглазова он числился главным менеджером по связям с общественностью и СМИ, но коллеги за глаза называли его не иначе как «специалистом по связям и сношениям».

Аркадий раз в два-три месяца летал в «командировку» в Милан или Париж, где подбирал себе умопомрачительные костюмы, стильные, безумно дорогие галстуки и обувь ручной работы от самых известных и модных дизайнеров. Он не пропускал ни одной тусовки, ухаживал за самыми гламурными девушками Москвы, а также за дочерьми высокопоставленных чиновников, не скупясь на подарки.

Все расходы, естественно, оплачивал Троеглазов. И страшно гордился, что один из самых известных плейбоев Москвы – служащий его компании. Ведь один звонок Аркадия, например, в канцелярию какого-нибудь министерства или в налоговую инспекцию N-ского округа столицы, мог решить проблему, на устранение которой у других фирм уходили дни или недели.

Вот уже несколько лет Владлен Алексеевич вынашивал планы «Великого похода» – наверное, в детстве не наигрался в «искателей сокровищ» или «казаков-разбойников». Зато теперь, прожив полвека и разбогатевав, как царь Крез, он решил восполнить этот пробел. Семейей Владлен Петрович так и не обзавелся. Не встретил ту единственную, ради которой мог бы отказаться от своей заветной мечты – найти таинственную Сигору.

Он много работал, постоянно учился. В отличие от многих российских олигархов, покупающих дипломы и ученые степени, Владлен Алексеевич имел два честно заработанных диплома – Московского института стали и сплавов и Королевского института Великобритании.

В молодости простым рабочим он бороздил необъятные просторы Сибири и Алтая в составе геолого-разведочных экспедиций. Так, возможно, и продолжал бы жить дальше, но в конце 80-х профессия геолога, когда-то считавшаяся одной из самых романтических, породившая немало замечательных песен и кинофильмов, потеряла свой статус.

Страна перестала быть единым и неделимым Союзом – закрывались крупнейшие предприятия, разорялись целые промышленные империи. Что уж говорить о геологоразведочных партиях и экспедициях...

Владлен Троеглазов успел поступить в институт, пока еще не началась повальная коммерциализация высшего образования. Получив диплом, уехал по распределению в Западную Сибирь, где начал свою трудовую биографию простым инженером на буровой установке. Начиная простым, а закончил – золотым. В прямом смысле слова. Его так и звали «золотой инженер». То ли за то, что умел ладить с простыми работягами, то ли за то, что вовремя ухитрился «прихватизировать» свою буровую. Не единолично, конечно, а вместе с начальником. Но тот товарищ хлипковат оказался. Пока самого пугали, еще терпел, а как угрожать семье стали – сдался. Акции за копейки продал... А Троеглазову, кроме как за себя, бояться было не за кого. Поэтому он и не боялся – бился и отбивался, как в детдоме научили. До последнего... И выстоял – на его буровую больше никто не совался.

За несколько лет он сколотил неплохой капитал. Дальше – больше. Учеба в британском Королевском университете, где Троеглазов провел три года, не прошла бесследно. Здесь он не только выучил настоящий Oxford's English, но и научился делать настоящий английский бизнес – основательный, добротный, по-хорошему консервативный, не приемлющий компромиссов и полумер. Вернувшись в Россию, он обошел многих своих конкурентов и оставил их далеко позади.

Удивительно, но бывший детдомовец Троеглаз никогда, даже в своем одиноком нелегком детстве, не скучал по дому и семье. Он не понимал пацанов – ершистых, злобных, отчаянных, которых нет-нет да ловил за самыми что ни на есть неблагоприятными занятиями: Сашку Гвоздя – плачущим над фоткой своей умершей матери, Димку Тыкву – готовым переделывать самую грязную работу в обмен на один визит в квартиру дворничихи тети Даши. А ведь какие крепкие были парнишки!

После детдома жизнь раскидала всех их по разным местам. Тыква покати́лся по наклонной плоскости – за воровство попал в тюрьму и после этого редко бывал на воле. Теперь-то, правда, он живет на Кипре, называет себя не иначе как «заслуженный законник страны», руководит, и надо признать неплохо, своим воровским сообществом. Семьей так и не обзавелся, как, впрочем, и Троеглаз. Зато Гвоздь за них постарался – вырастил четверых детей, завел фермерское хозяйство в Новгородской губернии да так и живет припеваючи со своей Нинкой, с которой вместе еще с детдомовских времен. По выходным, которые бывают очень редко, или праздникам крепко пьет. Раньше по пьяному делу гонял жену и детей по деревне, но теперь сыновья ему особо воли не дают – так иногда побегают с топориком по двору, но на это никто уже не обращает внимания...

В детдоме воспитатели называли их неразлучной троицей и страшно боялись. Пацаны были отчаянными хулиганами и очень дружными, как в «Трех мушкетерах». Один за всех, все за одного. Наверное, им это здорово помогло в жизни. Теперь они видятся крайне редко, но по каким-то своим памятным датам обязательно созваниваются. И если получается, встречаются. Вот такая «селяви».

Владлен Алексеевич опять потянулся за сигаретой, но увидел переполненную пепельницу и решил повременить. Посмотрел на часы – половина девятого. Подумал, что Аркаша уже, наверное, охмурил умницу из Питера. Надо позвонить и узнать, как обстоят дела...

Но мобильник Аркадия никак не реагировал на вызов. «Неужели уже уложил ее в постель?» – подумал Троеглазов и нажал на «отбой». Решил не мешать своему штатному Казанове. Хотя в душе немного расстроился. Судя по тому, что он знал о Марине Рябиной, ему казалось, что она должна быть более стойкой к чарам этого расфуфыренного павлина Аркашки...

Однако домыслы Троеглазова не оправдались. Аркадий уже второй час беседовал с Мариной, самым галантнейшим образом пытался ухаживать за ней, но интереса к себе, любимому, в ее глазах так и не заметил.

Он пригласил ее в ресторан «Ландскрона» в гостинице «Невский палас», где остановился. Рассчитывал, что после приятной трапезы и двух-трех танцев под приятную композицию он пригласит ее к себе в номер, а наутро с чистой совестью доложит шефу, что задание выполнено.

Но ситуация развивалась совсем по другому сценарию.

Марина в силу своей профессиональной привычки досконально изучать любую проблему, которая возникала на ее пути, и здесь не стала изменять своим принципам. То, что Аркадий специально приехал из Москвы на своем дорожном «лексусе», чтобы поразить ее сердце сразу же, как только усадит в суперсовременный салон, она никак не приняла во внимание. Секретарша Аня, возможно, оценила бы это по достоинству, а для Марины все машины были на одно лицо... Предложение Аркадия посидеть в дорогом ресторане, а не в ближайшем «Макдоналдсе», тоже не произвело на нее особого впечатления. Если человек приехал из Москвы по делу, зачем тратить время на посещение ресторанов, когда можно побеседовать да хоть на скамейке в парке?

Зато неумение Аркадия четко отвечать на конкретно заданный вопрос сразу насторожило Марину.

– Аркадий, а почему ваш шеф не приехал сам?

– Ну, Мариночка, – подливая вино в ее бокал, нараспев, по-московски, начал ее кавалер, – вы же прекрасно понимаете, насколько занятой человек мой босс! Сначала я должен получить от вас согласие на предложение сотрудничать с одним из самых известных в России бизнесменов, а уж потом он сам решит, как ему с вами познакомиться... Может быть, приедет сам, а может быть, пригласит вас в Москву.

– Но ведь вы, Аркадий, не можете толком мне объяснить цели экспедиции, которую собирается предпринять Троеглазов и в которую, судя по всему, он хочет пригласить и меня. Как же я могу согласиться или отказаться, если не понимаю, куда конкретно меня зовут и в качестве кого?

– Ну, Мариночка... – опять начал кокетничать Аркадий, чем окончательно вывел Марину из себя.

– Я прошу не обращаться ко мне так фамильярно! Мариночка я для своей мамы и подруг, а для вас – Марина Юрьевна. Во-вторых, я принципиально отказываюсь обсуждать с вами планы господина Троеглазова. Если он хочет иметь со мной дело, пусть приезжает сам. Ни в какую Москву я не поеду. Спасибо за угощение! Прощайте, Аркадий...

Она положила салфетку на стол и быстрым шагом направилась к выходу. Аркадий подумал было догнать ее, но тут зазвонил телефон, и по мелодии он понял, что звонит шеф. Догонять Марину он не пошел, и так ясно – «блицкриг» не удался.

Чтобы сочинить какую-нибудь красивую историю, у Аркадия просто не было времени, поэтому он рассказал шефу все честно, без утайки. Удивительно, но Троеглазов таким поворотом дела остался доволен. Он даже принялся утешать его и велел как следует провести время. За счет фирмы, разумеется. И лишь перед тем, как отключиться, попросил телефон Марины.

Аркадий перевел дух, залпом выпил фужер коллекционного «Шато» и заметил за соседним столиком явно скужающую блондинку. Встретившись с нею взглядом, он понял, что эту мадемуазель, в отличие ученой от «дивы», он заинтересует гораздо больше. Так и вышло.

Владлен Алексеевич был в прекрасном настроении. Как мало, оказывается, нужно человеку для счастья! Просто убедиться в том, что умная молодая женщина, которая попала в его поле зрения исключительно благодаря своим знаниям, оказалась на самом деле крепким орешком, морально устойчивой к таким коварным «штаммам», как Аркадий-Красавчик. Устояла-таки, не клюнула на все Аркашины уловки, которые были сотни раз отработаны на других дамочках. Мо-ло-дец!

Теперь нужно выждать немного, дать ей время, чтобы она спокойно доехала до дома, и перезвонить самому. Извиниться, попроситься на встречу. И все ей рассказать о своем «Великом походе».

«Именно такой напарник мне и нужен, – рассуждал Владлен Алексеевич. – Все то, что я смог узнать об айяндаках, это лишь капля в море. Для составления маршрута нужны более четкие ориентиры. Если Рябинина их сможет наметить, то она уж точно не сможет отказаться от предложения пройти по этому маршруту, чтобы все увидеть и узнать самой. На этом я ее и поймаю... Сейчас самое подходящее время для Похода – лето на дворе. Думаю, что проблем с работой у нее быть не должно, возьмет какой-нибудь научный отпуск (или как там это у ученых называется?), и поедем мы с голубушкой Мариной открывать новые цивилизации... Шлиман со своей Троей отдыхает! Ему-то все понятно было: Гомер четко описал, постарался старинушка – бери лопату и копай!.. У нас задачка посложнее будет...»

Впервые об айяндаках Троеглазов услышал в одной из своих многочисленных геолого-разведочных экспедиций. Он был тогда совсем еще мальчишкой, лет восемнадцати. В армию его не взяли из-за врожденного дефекта – левая нога на четыре сантиметра была короче правой. Когда после детдома его дружки Димка Тыква и Саня Гвоздь были обриты наголо, упакованы в казенную одежду и отправлены в разные концы Советского Союза, чтобы отдать Родине священный долг, он остался совсем один и страшно затосковал. Хорошо, что сосед, дядя Степан, подсказал, что Самошинская ГРП (геолого-разведочная партия) набирает рабочих в экспедицию куда-то за Урал. Прекрасная возможность для молодого паренька и мир посмотреть, и настоящему ремеслу научиться.

Так Владька оказался среди людей самой что ни на есть романтической профессии – геологов. Он хорошо запомнил свой первый перелет: пусть и на стареньком «кукурузнике», зато какой вид из иллюминатора – загляденье! Долго добирались до места, где разбили свой лагерь, – сначала на самолете, потом тряслись больше суток в крытом брезентом кузове старенького грузовика.

Поначалу Владька никак не мог понять, что же в этой работе такого романтического? Целый день пашут, как рабы на плантации, а по вечерам пьют спиртягу. А где же романтика? Как в песне поется: «Дым костра создает уют, искры гаснут в полете сами, пять ребят о любви поют чуть охрипшими голосами» – какая тут любовь? Откуда? Да и вместо песен – отборный мат вперемежку с сальными, жутко пошлыми анекдотами.

Его оформили подсобным рабочим – «подай», «принеси», «сбегай в сельмаг за водкой и килькой». Из лагеря, который разбили прямо в поле, до ближайшего населенного пункта было километров пять-шесть. Пока кто-то из геологов был в состоянии сесть за руль выдавшего виды газика и доехать по разбитой и искореженной, как стиральная доска, дороге до сельмага, Владьке никто не докучал. Но когда водка кончалась, весь лагерь исходил криком:

– Эй, коротколапый, куда, мать твою, провалился, а? Дуй за водкой немедленно!..

Поначалу грубость мужиков его удручала. Так хотелось за обидное прозвище засветить кому-нибудь в глаз, но постепенно он понял, что говорят они так не со зла. Не принято в сугубо мужском коллективе сантименты разводить. Старший геолог в экспедиции – Николай Иванович Меженков – так просто душа-человек. Пока трезвый. А как выпьет, без мата двух слов связать не может.

Водитель Федя Лихоимцев – самый близкий Троеглазу по возрасту бугай – на все руки мастер. Опять же, пока трезвый. Стоит ему принять стакан водки – гуляй, рванина!.. Тут главное машину подальше отогнать. Иначе усядется за руль и устроит гонки по пересеченной местности.

Однако именно лихач Федька его очень многому научил. Водительские права, к счастью, Владлен успел получить в учебно-производственном комбинате, а вот практики было маловато. Федька этот пробел быстро устранил. Он привязался к молчаливому детдомовцу как к младшему брату, которого Бог ему не дал. Вечерами возился с ним, обучал нехитрому шоферскому делу. Главное, научил устранять неполадки, которых в «газоне» 50-х годов выпуска было как звезд на небе. «Распорочки, винтики, скобочки», – так любезно называл он подручные средства, с помощью которых умудрялся реанимировать этот ржавый кусок металлолома на колесах.

Много лет спустя его школа очень пригодилась Владлену Алексеевичу, когда Тыква вдруг придумал позвать своих детдомовских дружков в Африку на экзотическую охоту. Но кто-то из его подручных что-то перепутал. Прилетели в Дар-эс-Салам, разместились в замечательном пятизвездочном отеле, поболтались пару дней по городу и собрались ехать в национальный парк. Сопровождающий долго рассказывал о красотах плато Серенгети, о том, какие замечательные животные бродят по саванне и что их можно смело фотографировать.

– Ты что несешь, голубчик, – остановил разговорчивого аборигена Тыква, – мы сюда не фотографировать зверей приехали, а охотиться на них. Понимаешь?

Сопровождающий не понял.

– Ну, пиф-паф, – изобразил выстрел из ружья Тыква. – Сынок, мы же поохотиться приехали, а не по твоей пустыне кататься! Давай-ка организуй нам снаряжение, ружьишки поклуче, экипировку побогаче...

Когда смысл сказанного русским «доном Корлеоне» дошел наконец до сознания несчастного африканского юноши, он наверняка побледнел, хотя из-за цвета кожи этого никто не заметил. Он робко стал объяснять, что, скорее всего, произошла какая-то ошибка. Его фирма занимается исключительно легальными видами туристического бизнеса. Сафари не по их части. Сейчас не сезон, нужно брать специальные разрешения и оформлять кучу бумаг, а этим он никогда не занимался...

Далее произошла немая сцена почти по Гоголю, но потом Тыква разошелся не на шутку. Еще бы, так лажануться перед пацанами! Позвал на охоту за тысячи километров, а тут вместо ружья фотоаппарат подсовывают! Что за хрень!..

Троеглаз его еле успокоил, убедительнейшим образом объяснив, что поохотиться они и в России смогут, а вот на слонов, спокойно разгуливающих по саванне, можно поглазеть только здесь. Тем более что завалить слона в три выстрела они все равно с ходу не смогут, так что лучше просто полюбоваться красотами африканской гордости – заповедником Серенгети.

Когда Тыква остыл, они расселись по машинам. Приехали к месту дислокации уже ближе к закату. Бедняга сопровождающий волчком крутился, чтобы только угодить осерчавшему на него Тыкве. Откладывать поездку по заповеднику не стали – пересели впятером в более-менее приличный джип и рванули с места в карьер, пока Тыква опять не начал психовать.

Виды саванны были действительно потрясающими. Солнце клонилось к закату, освещая золотисто-рыжую равнину приятным мягким светом. По всему маршруту их следования появлялись испуганные стайки молоденьких антилоп. Едва завидев автомобиль, они тут же растворялись в ближайших зарослях каких-то неизвестных африканских кустарников. Троеглазов любовался ими, так как охоту не особенно любил, поэтому истинный охотник

Тыква прозвал его «ботаником». За что Троеглазов, не желая оставаться в долгу, назвал его «клоуном Полуниным».

– А почему Полунин? Скорее уж Никулин, – удивился «авторитет».

– А почему ботаник? Скорее уж биолог! – парировал Владлен Петрович.

Так подтрунивая друг над другом и над манерами местного населения, отъехали друзья довольно далеко. И тут случилось страшное. Машина заглохла.

Никто из присутствующих, как оказалось, в автомеханике ничего не смыслил. Даже фермер Гвоздь, которому, казалось бы, сам Бог велел уметь разбираться в любой технике. Машинами занимались сыновья, а он только живностью и кормами. Вот тут-то Троеглазу и пригодились знания, точнее, уловки и всякие хитрости, которым много-много лет назад обучил его Федька Лихоимцев.

Довольно приличный с виду «лендровер» на деле оказался изрядно потрепанным. Стоило Троеглазу заглянуть под капот, как он так и ахнул. «Внутренности» машины были настолько запущены, что оставалось только удивляться тому, как автомобиль смог вообще двинуться с места. Эх, Африка, Африка... Экзотика на каждом шагу.

Провозиться пришлось не меньше двух часов. За это время Тыква несколько раз порывался придушить гида, допустившего такую «подставу». Беднягу спасал Гвоздь, которому остановка в пути казалась как частью культурной программы. Состояние легкого алкогольного опьянения, в котором он пребывал все время их путешествия, вырвавшись из-под контроля своей супруги Нинки, мешало ему осознать всю опасность ситуации.

Короче, Гвоздю было хорошо. Своим прекрасным расположением духа он мог поделиться только с несчастным африканским юношей, поскольку другие члены экспедиции его настроения не разделяли. Так он и ходил хвостом за своим новоявленным чернокожим другом, рассказывая о преимуществах ярославской породы коров...

Владлен Алексеевич опять потянулся за сигаретой. Портсигар был пуст. «Вот черт, – выругался он в сердцах, – самое время позвонить Марине, но без сигареты не смогу подобрать нужных слов. Ничего, сейчас отправлю Тимофея за сигаретами, а сам пока досье на свою голубушку читаю...»

Заочно он уже почти влюблен в Марину – за ее умные статьи, за то, как ловко она приструнила Красавчика, за смелость, с какой отказалась с ним что-то обсуждать.

Пока что ему все в ней нравилось. Очень хотелось поговорить с ней. По телефону, конечно, эффект не тот, но главное заинтриговать ее, рассказать об айяндаках. Наверняка она что-нибудь знает о них. Интересно, как она себя поведет, когда он покажет ей медальон, доставшийся ему от Меженкова...

Тимофею бежать за сигаретами не пришлось. У него, как у настоящего адъютанта, всегда все имелось «про запас». Через пару минут он уже принес новую пачку.

Владлен Алексеевич закурил. Не торопясь набрал номер домашнего телефона Марины.

– Алло, я слушаю вас...

«Божественный голос, – подумал он, – немного низковат, ну да пискливых дамочек я ведь все равно не люблю».

– Я слушаю, говорите!

– Извините за столь поздний звонок, – начал Троеглазов, – но я решил расставить все точки над «i», уже сегодня. Потому и звоню...

– Не надо оправдываться, Владлен Алексеевич, – бесцеремонно перебила Марина, – я уже полчаса сижу у телефона и жду не дождусь, когда же вы наконец-то позвоните.

– Марина Юрьевна, вы меня пугаете!.. Как вы догадались, что это я?

– Я не догадывалась, я почувствовала. У меня, знаете ли, бывают такие состояния – смотрю на трезвонящий телефон и понимаю, кто мне звонит. Не всегда, правда, но иногда такое случается. Тем более что ваш порученец Аркадий уже успел, наверное, пожаловаться на меня. И вам ничего другого не оставалось, как позвонить мне самому. Я права?

– Абсолютно, Марина Юрьевна! Вы интересная особа. Сгораю от нетерпения с вами лично познакомиться. Как вы посмотрите на то, что я завтра прилечу в Петербург?

– А как же совет директоров? Аркадий мне все уши прожужжал, какой вы занятой человек. И что по средам вы проводите обязательный совет директоров.

– Аркаша, как всегда, все перепутал. По средам у нас проходит обязательная еженедельная планерка, но ее могут провести и без меня.

– Неужели он не знает таких элементарных вещей?

– Он, видите ли, по другой части... Я плачу ему большую зарплату не за знание моего расписания, а совсем за другие знания.

– Я догадываюсь, за какие...

– Странно, я вас, Марина, совсем не знаю, но такое ощущение, что мы сто лет знакомы. Ну так как, принимаете мое предложение о завтрашнем свидании?

– Конечно. Зачем откладывать? Записывайте адрес.

– Не надо, у меня есть все ваши координаты. Я подъеду за вами к 18.00 на работу.

– Буду ждать. До свидания.

Глава 3

Спать совершенно не хотелось. Владлен Алексеевич долго ходил по своему кабинету, потом позвонил Тимофею и попросил принести крепкого кофе. Тот попытался было образумить хозяина:

– Зачем же вы на ночь-то кофе крепкий пьете? Завтра в Питер летим, вам бы выспаться как следует надо.

– Не бухти, старичок, а кофе мне сделай побыстрее. Я еще работать буду, а ты ложись. Я в самолете подремать успею.

Он достал из сейфа маленькую шкатулку и извлек из нее амулет айяндаков. Долго смотрел на него, решая, стоит его показывать Марине или лучше приберечь амулет на потом. Решил все же положить его в карман пиджака.

Когда он впервые увидел эту ни на что не похожую вещицу, он глазам своим не поверил. Раньше подобное он видел только в стареньком, затертом до дыр буклете из Эрмитажа в разделе «Золото скифов». У директрисы детдома было много подобных книжек с картинками, которые она разрешала смотреть ребятам. При этом всегда мечтательно так говорила:

– Вот будете хорошо учиться, поступите в институты, получите образование... И как каждый уважающий себя интеллигент обязательно побываете в Ленинграде. Посетите Эрмитаж, Русский музей, Кунсткамеру. Мне вот не довелось, я только на картинках всю эту красоту видала, а уж вы за меня все посмотрите...

Когда в экспедиции случился несчастный случай, после которого, собственно, Владька и поехал в Москву поступать в институт, он стал владельцем этого необычного сокровища.

А случилось следующее. Водитель Федька Лихоимцев слег с приступом аппендицита как раз в самый разгар работ. Нужно было срочно перевозить оборудование, в том числе тол, к месту новой горной выработки. Время поджимало, шурф надо было делать как можно скорее. За руль сел водитель из местных, накануне хорошо покутивший. Николай Иванович Меженков сел с ним в кабину.

Как случилось, что горе-водила заснул за рулем, так никто и не узнал. «Газон» врезался в дерево, водитель от сильнейшего удара скончался мгновенно. Машину развернуло. Она сильно накренилась под тяжестью груза, находящегося в кузове. В кабине, возможно, от сильного удара произошло возгорание. Николай Иванович успел выпрыгнуть, но далеко отбежать не сумел – взрыв был чудовищной силы. Его отбросило ударной волной в сторону, но неудачно – он сильно ударился головой об огромный каменный валун.

Очнулся уже в больнице. Возле него неотлучно находился Владька Троеглазов. Парнишка очень сильно переживал за своего начальника. Ему трудно было смириться с тем, что всего несколько часов назад Николай Иванович был весел, суетлив, а теперь вот лежит неподвижно перед ним на кровати и, похоже, имеет немного шансов выжить.

Увидев Владьку, он шепотом попросил его сесть поближе.

– Знаешь, где лежит мой коричневый чемодан?

Вадька кивнул.

– В маленьком боковом кармане лежит старый портсигар, в нем медальон старинный. Если я помру, обязательно возьми себе.

– Да не помрете вы, дядь Коля, не помрете! Раз уж в себя пришли, значит, жить будете.

– Не жалец я, паря. Слушай, что скажу, да запоминай. Медальон этот очень древний. Ему несколько сот лет уже, мне его один бергал на Алтае передал... я совсем зеленый еще был, не старше тебя. Сказал, что медальон этот принадлежал вождю старинного племени айяндаков, про которое нашим историкам ничего не известно. Загадочное это племя было, появлялось внезапно и так же внезапно исчезало. Сколько его ни пытались сыскать, ничего

ни у кого не получалось. Просил он меня тайну медальона разгадать, а я, вишь, подвел его, так и не узнал толком ничего ни про медальон, ни про айяндаков. Но ты за меня это сделай обязательно.

– А если узнаю, то что тогда?

– Богатым станешь, вот что.

– А как же тайну-то разгадать?

– Учиться надо, сынок. Ты ведь смышленный, поезжай в Москву, в институт поступай.

Я в тебя верю...

Меженков закрыл глаза. То ли заснул, то ли опять потерял сознание. Владька вышел тихонько из палаты и пулей помчался к лагерю. Там творилось что-то невообразимое. Пропищество враз перечеркнуло все планы по закладке нового шурфа, без Меженкова трудно было начинать работу. Все растерялись и ждали начальства из города.

Владька без труда нашел чемодан, стоявший под кроватью Николая Ивановича. Он был не заперт. В кармашке действительно лежал портсигар, а в нем...

Ничего подобного он никогда не видел. Круглая, в виде солнца с лучами монета, не больше пятикопеечной, была закреплена на прямоугольной пластине. Изображение на монете было довольно потертым, почти сглаженным, но при близком рассмотрении можно было различить изображение в виде человеческого лица. Отчетливо были видны контуры глаз, носа, губ. Лицо обрамляли длинные волосы, зачесанные на прямой пробор.

Медальон был плоским, продолговатым, небольшим, где-то в половину спичечного коробка. По краям, которые были особенно сильно потерты, можно было рассмотреть фрагменты какого-то узора, возможно, что это была какая-то надпись, только вместо букв использовались некие графические символы. Скорее всего, металл, из которого был выполнен медальон, был не чем иным, как золотом, но в то время Владька еще не умел его определять на глаз. В нижней части край медальона был не ровным, а зубчатым. Причем все зубцы были разной длины, как бороздки на ключе.

...Меженков так больше и не пришел в себя. Когда Владька вернулся к постели больного, он лежал без сознания. Мужики насилу увели его от постели Николая Ивановича, заставили поесть и с трудом уложили спать. Наутро Владька бросился к Меженкову, но кровать была пуста... Ночью Николай Иванович скончался.

Начальство распорядилось работы свернуть, так как подобное ЧП с двумя погибшими привело к серьезному разбирательству. Виноватым в плохой организации дела сделали Меженкова. А что с покойника взять? Начальству такое заключение было на руку, а мужики в знак протеста, все как один, написали заявление об уходе. Владька тоже. После чего сел в поезд, идущий до Москвы...

Опыт работы в геологоразведке и детдомовское детство помогли при поступлении в МИСиС – Московский институт стали и сплавов – согласно установленным законодательством льготам. Ему очень хотелось выполнить просьбу Николая Ивановича – узнать тайну медальона, поэтому из всех факультетов самым интересным и полезным в раскрытии тайны медальона ему показался факультет цветных и драгоценных металлов. Меженков очень любил горы – и Владлен выбрал специальность горного инженера.

Все, что ему доподлинно было известно о медальоне, так это то, что он был выполнен из золота, но все остальное было покрыто тайной, которую очень хотелось узнать. Вот только как? Для этого нужны были другие знания – истории, географии, и, конечно, этнографии, поэтому за время обучения в МИСиС Троеглазов не вылезал из библиотек.

В студенческой среде он так и не нашел себе друзей. Верные и преданные, какими были Гвоздь и Тыква, ему больше не попадались. Он переписывался с друзьями детства, изредка навещал то одного, то другого, включая посещение мест «не столь отдаленных», куда умудрился загреметь Тыква, а в студенческой среде держался особняком. Троеглазов

был неразговорчив, замкнут, к тому же детдомовец, поэтому никто из студентов не набивался к нему в друзья. Девушки тоже не находили его привлекательным, возможно, из-за легкой хромоты. Лучшими друзьями для него стали книги и учебники.

После третьего курса он стал путешествовать. Сначала посетил во время каникул Ленинград, в который влюбился мгновенно, с первого взгляда. Эрмитаж, Русский музей, обязательно Кунсткамера, Этнографический музей – все, как учила директриса.

Только как бы долго ни простаивал он у витрин с экспонатами археологических раскопок, ничего откровенно похожего на его медальон не находил. Про загадочное племя айяндаков он узнал много позже...

Перед вылетом в Санкт-Петербург и предстоящим знакомством с Рябининой Троеглазов хотел еще раз тщательно продумать все, чем он мог поделиться с ней, чтобы не выглядеть в ее глазах полным идиотом. Почему-то тянуло рассказать ей все без утайки. Но слишком уж развитое чувство собственного достоинства и как следствие этого – боязнь показаться в глазах других смешным, останавливало его от этого шага. «Все, отбой, – решительно затушил окурок в пепельнице Троеглазов, – пора спать. Завтра у меня ответственный день. Или она станет моей союзницей и партнершей, или же примет за сумасшедшего».

Глава 4

Марине тоже не спалось в эту ночь. Разговор с Троеглазовым сильно ее взволновал. Она ничуть не лгала, когда говорила, что предчувствовала его звонок. С ней действительно такое случалось – внезапно звонит телефон, она оборачивается, смотрит на аппарат и понимает, кто это звонит. Этакий необъяснимый феномен.

Рассказ Аркадия о том, что его шеф готовит какой-то загадочный поход и желает пригласить Марину с собой, невероятно взволновал ее воображение. Но сам Аркадий – со своими тщательно ухоженными руками, томным взглядом обольстителя и дамского угодника, вызывал у нее что-то вроде отвращения. Зачем Троеглазов подослал к ней именно его? Неужели не нашлось кого-нибудь более вменяемого?

У Марины было предчувствие, что их обоих – и ее, и Троеглазова – объединяет одно желание – найти следы загадочного народа или, возможно, племени, которое появилось в результате необычного симбиоза коренного населения и «чуди белоглазой». Впервые мысль о том, что такой народец существовал, пришла ей на выставке «Золото скифов» в Кызыле. Тогда она очень пристально рассматривала экспонаты из раскопок древнего кургана Аржаан. Здесь был представлен скифский воин, возможно, царь, и почти 150 килограммов различных вещей. Из них довольно большая часть вещей – в основном украшений – была выполнена из золота. И – о, чудо! – Марина действительно обнаружила нечто необычное... В разделе украшений ее внимание привлек небольшой кулон, скорее амулет, с довольно странными рисунками. Они напомнили ей рунический алфавит. Бывая в Финляндии, она довольно подробно изучила систему письма викингов.

Система эта основывалась на особых знаках, которые назывались рунами. Первые шесть букв, или знаков, рунического алфавита произносились как «футарк» – f u t h a r k, поэтому алфавит викингов так и назывался – футарк.

В Этнографическом музее Хельсинки Марина видела изображение мемориального камня с рунической надписью, посвященной викингу Харальду, который умер где-то на Востоке. Где именно, никто не знает, поскольку под «Востоком» подразумевается огромная территория от Черного и Каспийского морей до Багдада и частично Индии. Так что любимый Мариной «Шелковый путь» как раз попадал в поле зрения викингов и других северных народностей. Той же «чуди белоглазой», над изучением которой ей тоже пришлось потрудиться.

Все эти отрывочные сведения напоминали Марине гигантскую мозаику, которую надо сложить из маленьких обрывочных кусочков, чтобы получился внятный рисунок. Но вот этой самой внятности было просто невозможно добиться, так как загадочная чужь белоглазая описывалась в немногочисленных источниках совершенно по-разному.

Многие историки полагают, что «чудью» называли некие финские племена, позднее растворившиеся в новгородских пришельцах. Ломоносов в своей «Древней российской истории» принимал «чужь белоглазую» за скифов, пришедших от Черного (Русского) моря.

Есть еще более экзотическая версия о том, что «чужь» – это наши предки-русы, жившие на Русском Севере 8—10 тысяч лет назад до нашей эры. При похолоданиях они как бы «откатывались» на Волгу и Урал, а потом приходили обратно...

По этой версии от чуди пошли и будущие индусы-арийцы: когда стало голодно и холодно, настало новое похолодание, одна часть этого этноса, арийцы, двинулась искать новые земли на территорию современной Европы, другая через многие-многие годы достигла Инда и стала называться индусами. Так русы стали индусами. Не зря же в древнеиндийском языке санскрите имеются русские слова. По этой версии получается, что «чужь белоглазая» – это осколок древнейшего этноса, давший жизнь множеству племен и народ-

ностей, распространившихся как на юг, так и на север. Адам и Ева нашей цивилизации, да и только...

В любом случае, все то, что ей удалось найти в алтайских архивах и в финских источниках, каким-то мистическим образом пересекалось. На аржаанском кулоне – рунические символы, в алтайском фольклоре – сказы о светловолосом народе Чудь, который то появлялся, то внезапно бесследно исчезал. Ведь есть какая-то связь между ними, но какая?

Эту тему ей очень давно хотелось развить, исследовать основательно, но все не получалось. Ее начальник Максим Петрович Мазуров, которому она все уши прожужжала про свои находки, помогал ей чем мог, но освободить от студентов и семинаров был не в состоянии. Сейчас вот и время есть – лето, каникулы – и Троеглазов вдруг объявился. Неужели она сможет довести до конца свои исследования? Побывать там, где еще не была, и добыть-таки эту тему?

Несомненно, что у Троеглазова, который тщательно изучил все ее статьи и понял, в чем заключается смысл ее многолетних трудов, есть что-то такое, о чем Марина еще не знает и даже не догадывается. Иначе он не стал бы так настойчиво приглашать ее в экспедицию. Он явно что-то обнаружил, но теоретических знаний ему не хватает, поэтому Марина нужна как специалист, способный на месте оценить ситуацию.

А вдруг они на пару обнаружат нечто такое, что всколыхнет научный мир? Найдут новый Аркаим или что-то вроде того?

Марина потрясла головой в надежде избавиться от мыслей и фантазий, которые настойчиво лезли ей в голову, не давая уснуть. Уже третий час ночи, через несколько часов ей нужно встречаться с человеком, который может перевернуть все в ее жизни. Так, надо подумать о чем-то приятном и постараться заснуть. Самыми приятными в данной ситуации были мысли о Гюнтере...

Без пяти шесть Троеглазов стоял у входа на кафедру, где работала Рябинина. Волновался, смолсил одну сигарету за другой.

Он долго думал, как бы одеться так, чтобы не вызвать у Марины отвращение, как это получилось в случае с Аркашей-Красавчиком. Поэтому выбрал не дорогой костюм-тройку, а обычные джинсы, бежевую тенниску-поло и легкую вельветовую куртку.

«А, собственно, чего я так волнуюсь, – рассуждал Троеглазов, – как перед собственной свадьбой, которой у меня, к счастью, еще не было? Я ее в глаза не видел, а уже лезу вон из шкуры, чтобы ей понравиться. Может быть, у нас с ней вообще разговора не получится, а я тут вырядился, как английский аристократ на игру в гольф...»

Он так увлекся спором с самим собой, что не заметил, как мимо него прошла довольно заметная особа. Прошла раз, потом вернулась и остановилась рядом с ним. Протянула руку и легонько дотронулась до плеча:

– Простите, – она виновато улыбнулась, – вы, очевидно, Владлен Алексеевич?

– Да. – Он растерянно кивнул, глядя на нее. – Да, это я.

Она рассмеялась, заметив его растерянность:

– Похоже, я застала вас врасплох. Думали, что я буду с огромным портфелем и в очках с толстенными линзами?

– Нет, про очки мне Аркадий ничего не говорил, – Троеглазов наконец-то улыбнулся, – но и про ваш экзотический окрас ничего не сказал. Поэтому я вас и проглядел, принял за студентку. Вы поразительно молодо выглядите.

– Я просто работаю со студентами, – продолжила тему Марина, – и многому у них учусь. У меня есть одна третьекурсница, так глядя на нее, можно забыть про модные глянцево-журналы. Она и есть ходячий журнал – у нее всегда самые современные прически,

юбки и блузки. Так как учиться она слабовато, то за оценку «хорошо» выдает мне адреса бутиков, где все это можно купить с хорошими скидками.

– А адреса самых модных тусовочных мест она вам не сообщала?

– А я и сама знаю!

– Тогда поедem туда, отметим наше знакомство.

– А может быть, немного пройдемся? – предложила Марина, вспомнив вчерашний ужин с Аркадием.

– С большим удовольствием!

Тимофея, который вместе с шефом прилетел в Петербург, Троеглазов отпустил на экскурсию «по рекам и каналам Северной столицы». Парень отбивался из последних сил, не желая оставлять босса без присмотра, но Троеглазов придумал для него дело – велел тщательно исследовать маршрут водной экскурсии, чтобы он смог пригласить туда свою визави.

– Свою... что? – переспросил Тимофей.

– Свою собеседницу, с которой я сегодня намерен встретиться. А ты, друг мой, будешь третьим. И, следовательно, – лишним.

– Да я уже все просек, босс! – невероятно обрадовался Тимофей, который уже давно мечтал о том, чтобы у его патрона появилась подруга. – Все будет сделано в лучшем виде.

И, довольный, бросился исполнять поручение.

Тимофей Морозов, которого в качестве адъютанта и телохранителя Троеглазову рекомендовал верный друг Тыква, уже несколько лет верой и правдой служил своему шефу.

По молодости Тима загремел в тюрьму за драку. Когда в камеру к матерым уголовникам поселили совсем юного мальчишку, но на вид настоящего русского богатыря, Тыква решил устроить ему проверку. Парниша молча выслушал все гадости, на какие только был способен известный трепач Сивый, но когда с ним попытались разобраться физически, лихо отмутузил всех обидчиков, а потом подошел к Тыкве, так как сразу понял, кто в камере главный, со словами «Живым не возьмете. Лучше сразу убейте».

Тыква вспомнил свое казенное детство, и парня в обиду не дал – Тимоха ведь тоже был детдомовский. Отсидев пару лет, парень вышел досрочно. Тыкве пришлось посидеть еще немного. Чтобы парнишка не пропал на воле, он передал с ним «маляву» для Троеглазова, где просил пристроить парня в хорошее место. Владлен Алексеевич как раз присматривал себе телохранителя. Тимофей, рост которого был почти два метра, а кулаки размером с голову, показался Троеглазову подходящей кандидатурой. К тому же парень умел делать все – готовить, наводить порядок, и что немаловажно – молча. Даже массаж делал не хуже профессионального массажиста. В общем, клад, а не телохранитель. В считанные дни он был зачислен в холдинг Троеглазова на должность помощника по специальным поручениям.

...Побродив немного по набережной Невы, Владлен Алексеевич пригласил Марину в плавучий ресторан. Знакомство состоялось, оба остались довольны друг другом. Можно было переходить к серьезному разговору.

Сделав заказ и отослав официантку, он положил перед Мариной медальон Меженкова. Увидев его, она только и сумела произнести:

– Ох, ничего себе... – Затем подняла глаза на Троеглазова: – Вы что, какой-нибудь скифский курган раскопали?

– Нет, Марина. – Троеглазов как-то сразу посерьезнел, закурил. – Этот медальон оказался у меня довольно давно. Мне его передал начальник геолого-разведочной партии, где я работал после детдома... Перед своей смертью передал. Просил разгадать тайну этого медальона. Я пытался, но самостоятельно мне не справиться. Поэтому я так жаждал знакомства с вами.

Марина долго рассматривала медальон, даже подошла к окну, чтобы получше разглядеть все, что было на нем изображено.

– Ну и что вы можете сказать? – после некоторой паузы спросил Троеглазов.

– Могу сказать, что вещица эта очень древняя.

– Ну, положим, это я и без вас знаю. Хотелось бы послушать вас как эксперта.

– Лицо, которое здесь изображено, явно не европейского типа. Широкие скулы, миндалевидные глаза... В общем, азиатское личико и, кстати, очень суровое. А вот надпись...

– А разве это надпись? Мне казалось, что это просто какие-то рисунки или символы...

– Вот видите, с правой стороны видно лучше, здесь не так стерто изображение. И явно просматриваются знаки рунического алфавита. Вот буква «к», в этом у меня нет ни малейшего сомнения. А вот этот значок, вы же сами видите, это же явное «s». Надо же, лицо азиатское, а надпись руническая. А, кстати, как вы его назвали?

– Кого его? – удивился Троеглазов.

– Медальон. Вы что, никак его не называете? Это же раритет! Обычно таким редким находкам дают какие-нибудь имена...

– Хм. Как-то я об этом не подумал...

Марина так увлеклась, что совершенно забыла, что находится в ресторане. Она быстро-быстро делала какие-то пометки в своем блокноте, Владлен Алексеевич тоже переместился к ней, хотя сначала сидел строго напротив. Они спорили, разглядывая надпись, так увлеченно, что официант, принесший на подносе невообразимо красивое блюдо, не знал, как привлечь внимание этой странной парочки.

Он вежливо покашлял. Никакой реакции.

– Простите, но это блюдо нужно есть горячим...

Владлен Алексеевич очнулся первым. Потряс Марину за плечо:

– Может быть, сначала поедим, а потом доспорим? А то я ведь успел наспех позавтракать в самолете, и все.

Марина смешно хлопнула себя по лбу:

– Вообще-то я тоже очень хочу есть. Но как увидела этот медальон, так забыла обо всем на свете. А, кстати, почему вы так долго собирались? У нас ведь с вами деловая встреча, а не свидание.

– Вы, конечно, можете мне не верить, но я очень хотел произвести на вас хорошее впечатление.

– Считайте, что у вас это получилось... В отличие от Аркадия. Ух, как вспомню о нем, так вздрогну!..

Владлен Алексеевич рассмеялся. Марина была первой женщиной на его памяти, у которой Аркадий вызывал негативные эмоции. А ведь по первоначальному плану Владлен тоже собирался взять его с собой в «Великий поход». Но, видимо, придется обойтись одним Тимохой...

Глава 5

– Марина, а вы слышали что-нибудь об айяндаках? – спросил Троеглазов в ожидании десерта.

– Конечно. И не только слышала, но и читала.

– Неужели есть какие-то научные статьи об этом племени? – искренне удивился Троеглазов. – Надо же, сколько я ни искал, но нигде не нашел ни единого упоминания о нем.

– Значит, не там искали. Первый раз я натолкнулась на упоминание о зеленоглазом народе в летописях Карынпачи. Правда, летописи эти трудно назвать научным документом. Мне они попались случайно, когда я в первый раз поехала на Алтай в экспедиции знакомиться с фольклорными традициями малых народностей. Устное народное творчество, как вы понимаете, в готовом виде на архивных полочках не лежит. За ним надо поохотиться – побродить по деревням, поискать доисторических старушек, которых не так много осталось.

Так вот, одна сердобольная музейная смотрительница притащила мне из дому несколько тетрадей – обычных, школьных, исписанных мелким, жутко неразборчивым почерком. Сказала, что ей они достались совершенно случайно – в доме, где она жила, умер старичок, в прошлом учитель истории, жена вещи его раздала соседям, а тетради эти, которые он много лет заполнял, хотела выбросить, да жалко стало. Вот смотрительнице принесла... Та полистала-полистала их, в музей не понесла, на антресоли положила до лучших времен. А когда я поинтересовалась, где можно с различными сказаниями народными познакомиться, она про них вспомнила и мне принесла.

Тетрадки эти стали для меня просто настоящим кладом. Чего в них только не было! Были, сказки, легенды... Правда, все это было бессистемно написано. Я их привезла домой и месяца два с ними возилась, разбирала по времени, по жанрам. Ну да не это главное...

В записях я обнаружила то в одном месте, то в другом ссылки на воинственное племя зеленоглазых воителей – не воинов, а именно воителей, которые иногда совершали набеги на мирные поселения и грабили их, но не истребляли. Иногда забирали с собой молодых здоровых женщин, видимо, для пополнения своего племени.

– А чем воин, по-вашему, отличается от воителя? – заинтересовался Троеглазов.

– Воины – это солдаты, которые сражаются, воюют с врагом под предводительством командиров. За Родину, за победу, за свой народ, в конце концов. А воители – это как бы партизаны, что ли. В общем, на государственной службе они не состоят, а нападают на селения, грабят...

– Ну, Марина, это ж просто бандиты какие-то средневековые...

– А вот и нет. Бандиты, грабители были во все времена во всех странах. Тот же Робин Гуд. Он хоть и народный герой, однако промышлял банальным грабежом. А айяндаки имели какое-то подобие униформы, экипированы были не топорами и вилами, а прекрасным и дорогостоящим по тем временам оружием, увешаны с ног до головы всевозможными украшениями, по которым, собственно, жертвы их нападений и определяли, что это айяндаки. Воители, одним словом... Ой, а давайте вашему медальону такое имя и дадим?

– Какое имя?

– Воитель. Здорово звучит!

– Давайте дадим. Пусть будет Воитель с большой буквы, как я – Владлен, а он будет Воитель...

– Отлично, и с точки зрения конспирации хорошо. Никто не догадается, о чем мы говорим. Воитель и воитель – и никакого намека на раритет! – Марина обрадовалась совсем как ребенок. – Так вот, в записях Карынпачи описанию айяндаков отводится довольно много места. Я попыталась определить, каким годом или хотя бы веком датируется первое упоми-

нение. У меня получилось, что первое упоминание о зеленоглазых воинах приходится на середину тринадцатого века – 1240–1260 годы.

– Я еще из школьной программы помню, что на это время приходятся самые громкие битвы русских князей с монголо-татарами. Битва при Калке, например, когда нашим крепко досталось от Чингисхана.

– Да вы просто молодец! Пятерка вам по истории! Вот Чингисхан-то и есть главное действующее лицо в моем расследовании.

– Извините, а какая связь между Чингисханом и айяндаками?

– Это потому, что вы торопитесь и меня перебиваете. Я на эту, как вы выражаетесь, связь столько времени потратила, а вы хотите, чтобы я все рассказала вам за десять минут.

– Нет-нет, не за десять минут, – Троеглазов посмотрел на часы, – просто уже очень поздно. А вам, наверное, завтра рано вставать.

Марина ахнула, когда увидела, что часы показывают половину первого ночи.

– Ну и заболтались же мы, – абсолютно искренне удивилась Марина, – а завтра мне в 10.00 надо быть у шефа на обсуждении статьи. Иначе командировку в Хельсинки мне не видать.

– Что, важная поездка намечается? – поинтересовался Троеглазов. И понял, что спросил зря. Марина вдруг покраснела.

«Значит, что-то сугубо личное», – подумал Владлен Алексеевич. Ему очень хотелось расспросить поподробнее про цель поездки, но он не решился. Троеглазова вдруг охватило чувство, очень похожее на ревность. Но он сделал вид, что ничего не заметил...

Марина, вспомнив про поездку в Финляндию, о которой совершенно забыла после знакомства с Троеглазовым, вдруг поняла, что не очень-то и хочет туда ехать. Конечно, повидаться с Гюнтером тянуло, но уже не так сильно, как, скажем, неделю назад. Теперь все мысли крутились вокруг Троеглазова с его необычным медальоном.

Пауза затянулась. Вместо ответа на вопрос о важности командировки Марина лишь покачала головой и срочно стала что-то искать в сумочке.

– Ну что, уходим? – спросил Троеглазов, подзывая официанта, чтобы расплатиться.

Они еще немного прошли по набережной, любуясь видом на Эрмитаж и Дворцовый мост. Троеглазов попытался было вернуться к разговору о связи между айяндаками и Чингисханом, но Марина пообещала рассказать все в следующий раз:

– Не хочу впопыхах делиться с вами своими сокровенными мыслями об этом. Вы такой благодарный слушатель, что мне хочется растянуть удовольствие подольше. К тому же я поищу тетрадки с записями Карынпачи и дам вам их полистать. С возвратом, конечно. Может быть, вы тоже там что-то раскопаете, чего я не заметила.

– Не откажусь от такого заманчивого предложения, – согласился Троеглазов и решился все же на нескромный вопрос: – А вы в Финляндию, видимо, едете по личному делу? Нельзя ли как-то перенести эту поездку?

Марина отвела глаза, не выдержав его пристального взгляда:

– Пока не знаю, мне надо подумать...

– До завтра времени хватит?

Она кивнула.

– Тогда завтра вечером я буду ждать вас на том же месте, идет?

Она опять молча кивнула. Троеглазов остановил машину, усадил девушку, хотел было сесть рядом, но Марина сказала, что доберется сама.

«Не хочет говорить мне свой адрес, – решил Троеглазов. – Вот глупышка... Завтра я буду его знать. Как, впрочем, и цель поездки в Финляндию».

Он протянул водителю деньги, помахал Марине рукой и пошел пешком по набережной.

Как давно не был он в Питере! Наверное, лет шесть или семь. А ведь раньше каждая поездка в этот чудный город превращалась в настоящий праздник. Месяцами он копил деньги на билеты, откладывая по пять – десять рублей с каждой стипендии. Готов был стоять по нескольку часов в очереди, чтобы побывать в Эрмитаже или Русском музее, всякий раз вспоминая директрису детдома.

Когда он впервые попал в город на Неве во время белых ночей, то не спал трое суток. Никак не мог поверить, что в час или два часа ночи может светить солнце!.. Троеглазов обошел пешком весь центр города. Приезжал на последней электричке метро на Невский проспект и начинал свой обход. Сначала шел в левую сторону по Садовой, к Сенной площади, дальше по Гороховой к Адмиралтейству, потом к Эрмитажу и выходил на набережную...

Владлен Алексеевич слегка поежился, вспоминая ощущения тех лет – легкий ветерок с Невы приятно освежал после долгой прогулки по ночным улицам. Он стоял, опираясь на парапет Дворцового моста, пораженный какой-то нереальной, просто сказочной красотой города...

И вот он опять стоит на этом же мосту. Все, как много-много лет назад, – неспешное течение Невы, золотой купол Исаакия, даже ветерок тот же... Только сам Владлен уже другой – повзрослевший, а точнее, постаревший, многое повидавший, богатый, успешный, но уже не такой счастливый, как в своей далекой и голодной юности.

...Мимо него пронеслась на роликах стайка подростков. Они весело кричали, дурачились. Один обернулся и крикнул Троеглазову:

– Эй, дядя, приезжий, что ли? Иди быстрее, а то скоро мосты начнут разводить...

Троеглазов хлопнул себя ладонью по лбу и бросился вслед за ребятами.

Когда он пешком добрался до гостиницы, было уже почти три часа. Он еще издалека заметил силуэт Тимофея, маячившего у входа в гостиницу, и вспомнил, что забыл включить мобильник. Он отключил его сразу, как только подъехал за Мариной к зданию университета, чтобы верный Санчо Панса не докучал ему звонками, да так и забыл про него. «Ну, сейчас начнется...» – подумал Троеглазов, ожидая, что помощник будет ворчать и сердиться. Но ничего подобного не произошло. Тимоха, увидев, что начальник жив и невредим, бросился к шефу, загадочно улыбаясь.

– Как время провели, Владлен Алексеевич?

– Прекрасно!

– А завтра еще лучше проведете, честное слово. Я такой кораблик зафрахтовал, закачаетесь!..

– А морская болезнь от качки не замучает?

– Да не в том смысле закачаетесь. Хотя... – Тимоха задумался на мгновение и потом расплылся в счастливой улыбке: – Как стараться будете!

– Одни пошлости у тебя на уме, Тимоша, – попенял Владлен Алексеевич. – Ты бы лучше, пользуясь моим отсутствием, с девушкой какой-нибудь познакомился, что ли.

– Обижаете, Владленсеич, я уже и познакомился, и попрощался.

Судя по масляной физиономии помощника, он уже действительно многое успел.

– Причем, заметьте, – продолжал довольный юноша, – никуда не отлучаясь из гостиницы. Ох, не зря Аркаша нам ее порекомендовал, ох, не зря. Сервис исключительный...

Он продолжал что-то рассказывать Троеглазову, пока они ждали лифт и пока он нажимал на нужную кнопку, что шеф искренне удивился. В обычном состоянии Тим был довольно молчаливым парнем, а теперь трещит без умолку, не давая сосредоточиться. Значит, поездка пошла на пользу.

Кое-как вытолкав болтуна из номера, Владлен Алексеевич принял горячий душ, лег поудобнее, закурил.

Сна как не бывало. По своей давней привычке он попытался разложить все события сегодняшнего вечера по полочкам.

Итак, Марина Рябинина оказалась именно тем человеком, который нужен ему для Похода. Она знает про айяндаков гораздо больше, чем он. Значит, при желании и наличии определенных сведений поможет ему определить географическое местонахождения Сигоры.

Второе: увидев медальон, она не просто удивилась, а просто обалдела от восторга. Глаза заблестели, ноздри заходили, как у молодой кобылки перед скачками. Даже имя придумала, как для живого человека. Он ведь внимательно наблюдал за ней, анализировал ее поведение. У настоящего исследователя вид необыкновенной вещи всегда вызывает подобную реакцию, а желание найти нечто подобное вообще притупляет разум.

На этом и нужно играть. Убедить ее, что в том месте, куда он ее зовет, можно найти нечто подобное, скорее всего, будет нетрудно. Сложнее убедить в необходимости совместной поездки в самое ближайшее время. Значит, надо будет рассказать про разговор с Михеичем. Это должно подействовать.

И напоследок. Что еще за поездка в Финляндию? Судя по румянцу на щеках Рябининой, там находится объект ее личной симпатии. Аркадия на нее насыпать бессмысленно, он явно не в ее вкусе, значит, нужно действовать самому. Когда-то у него неплохо получалось ухаживать за девушками...

С этими мыслями Троеглазов заснул.

Глава 6

А Марина в это время ворочалась на кровати, безуспешно пытаясь уснуть. Уже вторую ночь подряд. Сначала из-за Аркадия, а теперь вот из-за разговора с Троеглазовым. Мысли прыгали в голове, как кузнечики, и возбуждение никак не проходило. Марина пыталась считать овечек, слонов, но сон все равно не приходил...

Когда мама тихонько стала собираться на работу, Марина пришла на кухню.

– Доча, ты что так рано поднялась? Поспала бы еще пару часов...

– Не спится... Дай мне снотворного, посплю хоть часика три-четыре, а ты позвони с работы моей ассистентке Анюте, скажи, что я приду после обеда.

– А что случилось? – Галина Алексеевна только сейчас заметила, что Марина очень бледная. – Ты, часом, не заболела?

– Нет, мамуль, со мной все в порядке, просто вчера я увидела одну вещицу, которая мне покоя не дает...

– Опять какая-нибудь рукопись, которую жалко было выбросить? – Галина Алексеевна покопалась в аптечке и достала валерьянку в таблетках – решила, что более сильные препараты в данном случае не потребуются.

– Если бы... Мам, это совершеннейший раритет, двенадцатый или тринадцатый век, представляешь?

– Где ж ты ее взяла?

– Троеглазов привез. Только, мам, это тайна! Никому ни слова, ладно?..

Сказано было это с таким заговорщическим, даже немного детским выражением лица, что Галина Алексеевна не сдержала улыбки.

– И когда же дочка моя повзрослеет? Да кому до твоих раритетов есть дело – в них же никто ни черта не понимает! Это только ты у меня секретные надписи на надгробьях читаешь, а другие земными делами занимаются... Наташа Истомина целым отделом в корпорации руководит, Юлия Белова – директор частной школы, а у тебя одни раритеты на уме... Да, а кто такой Троеглазов? Фамилия что-то знакомая...

– Это, мамуля, большой человек – «владелец заводов, газет и пароходов». И, представь себе, тоже интересуется необычными находками. Ко мне вчера приезжал на работу, привез кое-что показать, как эксперту. Потом мы в ресторан с ним ходили, гуляли долго.

– Поэтому ты и не спала всю ночь?.. Он хоть симпатичный?

– Не красавец, конечно, но очень милый, приятный, а главное, что он все мои работы прочитал, представляешь?

– Да что ты!

– Заказал одному агентству мониторинг научных статей по моей тематике, они ему – бах, и мои статьи. Он как прочитал, так сразу решил со мной познакомиться. Прилетел из Москвы, по-моему, он хочет мне предложить кое-что...

– Руку и сердце, что ли?

– Ой, мам, какая же ты все-таки... Тебе только бы меня замуж выдать!

– А что еще можно предложить молодой, красивой девушке?

– Работу, мамуля, совместную работу...

Галина Алексеевна укоризненно покачала головой и молча стала собираться.

Приняв две таблетки валерьянки, Марина залезла под одеяло, накрылась с головой и все-таки заснула.

К полудню Аркадий из Москвы уже докладывал шефу по телефону:

– Гюнтер Зоммер, тридцать два года. Женат, имеет двоих детей. Работает и живет в Кёльне, но часто по делам службы бывает в Хельсинки – пишет какой-то научный труд по финской этнографии. С интересующей вас особой познакомился и, так сказать, подружился на почве совместных научных изысканий... Встречаются, кстати, они не часто, только во время командировок. В настоящее время Рябина собирается выбить у шефа командировку в Хельсинки в самое ближайшее время. Видимо, уже невтерпех...

– А можно без пошлых комментариев? – одернул его Троеглазов. – Скажи лучше, как ты все это узнал?

– Из надежных, хорошо информированных источников, – преувеличенно строгим голосом отчеканил в трубку Красавчик, – ее ассистентка Анюта мне все рассказала.

– Прямо по телефону? – удивился Троеглазов. – Ну, ты, Аркадий, даешь! Девушек раскалываешь, как орешки шелкаешь. Пора тебе переходить в разведку. Кстати, а кто он по профессии?

– В отношении его профессии точно не скажу – историк или этнограф. В общем, с нашей дамочкой – два сапога пара.

Положив трубку, Троеглазов закурил и попросил Тимофея принести визитницу. Когда нашел нужную карточку, улыбнулся счастливой улыбкой.

Игорь Нефедов давно уже проживал в стране Суоми, заимел свой бизнес, влиятельных друзей. Он многим был обязан Троеглазову. Значит, найдет возможность на какое-то время отстранить Гюнтера от работы и, следовательно, от встречи с Мариной. Пусть парень заболит, что ли, недельки на три. А когда поправится, мы с Мариной будем уже далеко. На Урале ей некогда будет вспоминать про немецкого мачо...

Не откладывая на потом, Троеглазов набрал номер старого знакомого. Он не ошибся в своих предположениях: Нефедов обещал не сегодня завтра устроить все в лучшем виде.

Марина появилась на кафедре в четвертом часу. «Проспала все на свете! – ругала она себя, перескакивая через две ступеньки, чтобы поскорее добраться до кабинета начальника. – Снимет мне голову шеф и в командировку не отправит».

Анюта сидела у приоткрытой двери кабинета начальника и жестами показывала, что он очень зол. Марина тихонько повесила плащ и мокрый зонт на вешалку, достала папку с черновиками статьи и тихонько подошла к дверям:

– Здравствуйте, Максим Петрович! Войти можно?

– Входите уж, Марина Юрьевна! Что это вы вдруг график своей работы так резко поменяли, а? Я с утра ее жду, а она является под вечер!

Несмотря на плохое настроение и желание, как следует, отчитать прогульщицу, Мазуров не стал долго воспитывать Марину. Ему хотелось поскорее разобраться со статьей и заняться работой. Однако любопытство взяло верх над здравым смыслом. Закрыв дверь, чтобы Анюта не слышала их разговоров, он начал совсем с другого:

– Где же тебя, голубушка, всю ночь носило?

– Если скажу правду, вы не поверите.

– Правду и ничего, кроме правды! Я уже заинтригован, да еще Анюта вся такая таинственная... Нет, чтобы соврать что-нибудь – живот у тебя болит, отравилась шавермой или еще что-то придумать, – так ведь нет! Глазки опустила, даже покраснела вся, тебя прикрывая, и понесла невесть что.

– Она, наверное, подумала, что я с Аркадием время провожу. – Марина рассмеялась при мысли о том, что навоображала себе Анюта, – очень уж ей этот красавец понравился... Но я была с Троеглазовым Владленом Алексеевичем.

– С тем самым? – удивился Мазуров.

– Угу. К нему неким загадочным образом попала одна вещица, о которой он ничего не знает. Вот и попросил меня проконсультировать.

– И ты консультировала всю ночь?.. А что хоть за вещица?

– Да ничего особенного. Умело выполненная подделка по аркаимским мотивам. – Марина решила не говорить шефу всей правды. – И не всю ночь, а минут двадцать мне понадобилось, чтобы распознать, что это на самом деле обыкновенный новодел. А все остальное время мы говорили, гуляли по городу, в ресторан зашли...

– Всё-всё!.. – замахал руками Мазуров. – Дальше не продолжай! Интимные детали меня, старичка, уже не интересуют.

– Да никакого интима не было. – Марина уже начала сердиться. – Вы иногда бываете просто несносны, Максим Петрович!

– Ладно, голубушка, прости меня... Давай лучше о статье поговорим. Вот тут у меня есть кое-какие замечания...

Замечания на деле оказались пустячными, Мазуров работой Марины остался доволен. В качестве гонорара он предложил ей долгожданную командировку в Хельсинки. Можно завтра, но лучше все-таки в понедельник.

Марина решила позвонить Гюнтеру на сотовый вечером, после встречи с Троеглазовым. Сегодня он обещал ей водную прогулку по Неве, во время которой она должна рассказать ему все, что знает об айяндаках.

Марине очень хотелось узнать о Троеглазове побольше. Она опять обратилась к услугам всемирной паутины. Вытащила кое-что об его личной жизни: холост, в отличие от большинства олигархов, коллекционирует не антиквариат или шедевры живописи, а редкие находки. Любит бывать на месте археологических раскопок, загадочных природных явлений и аномалий. В общем и целом – экстремал. Однако странно, что он никогда не был женат, а ведь ему уже за сорок...

Тимофей не подвел хозяина. Кораблик был действительно великолепным, хотя, по сути, это был всего лишь небольшой, но довольно комфортабельный катер, на борту которого красовалась надпись ТАЙМ-АУТ. Ну, перерыв так перерыв. Марина не против.

«Тайм-аут» бросил якорь на одной из многочисленных пристаней для малогабаритных плавсредств на набережной Фонтанки. Погода, как обычно, преподносила сюрпризы. С утра лил дождь, к обеду небо прояснилось, а к вечеру выглянуло солнышко. Так что водную прогулку ничто не должно было омрачить.

Взойдя по узкому трапу на палубу, поддерживаемая под локоток Троеглазовым, Марина с любопытством разглядывала верзилоподобного молодого человека, по всей видимости, помощника Троеглазова, который немедленно бросился ей навстречу: забрал из рук зонтик, плащ, портфель.

Со словами «Проходите, пожалуйста, располагайтесь поудобнее» он как-то даже оттеснил хозяина, изо всех сил стараясь угодить молодой женщине. Получалось у него это, надо признать, неплохо. После манерного, лощеного Аркадия парень по имени Тимофей произвел на нее хорошее впечатление. Добродушная улыбка вкупе с его огромными, невероятных размеров плечами умиротворяюще на нее подействовала.

Троеглазов выбором своего помощника остался доволен – катер был чистеньким, ухоженным. Верхняя палуба, где располагалась рубка рулевого, была отделена от основной небольшой декоративной перегородкой с навесом и чем-то напоминала беседку. В «беседку» почти не проникал ветер и яркие лучи солнца, навес защищал и от дождя. Но так как боковые стороны беседки были сделаны из прозрачного материала, обзор был замечательный.

В центре «беседки» стоял большой круглый стол, по бокам два удобных кресла. Увидев, какими деликатесами он был заставлен – устрицы на льду, рыбное ассорти, икра черная и красная, – Марина почувствовала невероятный голод.

Тимофей предложил ей осмотреть нижнюю палубу, где, по его словам, можно было помыть руки и попудрить нос.

«Какой предусмотрительный», – подумала Марина и спустилась вслед за ним по узенькой витой лестнице куда-то в глубь катера. С видом заправского экскурсовода богатырь провел ее по всему периметру, показал, где комната отдыха, она же кают-компания, дамская комната, бильярдная.

Как и Владлен Алексеевич, Марина осталась довольна всем увиденным.

Троеглазов за время их недолгого отсутствия успел зажечь свечи на столе и, похоже, с нетерпением ожидал возвращения Марины...

На сегодняшний вечер он определил для себя программу-минимум: расположить Марину к себе любой ценой, чтобы она не рвалась к своему иностранному бойфренду, а поскорее занялась бы вместе с ним подготовкой к Походу.

Тимофей после экскурсии по катеру проводил Марину к столу, пожелал приятного вечера и исчез с глаз долой.

– Какой приятный у вас помощник, – заметила Марина, чтобы прервать затянувшееся молчание, – не то что Аркадий...

– Вот поэтому он со мной уже столько лет. Незаменимый человек. Хотя Аркаша тоже в каком-то смысле незаменимый. Зря вы, Марина, на него сердитесь.

– Да я вовсе не сержусь. Просто его методы общения, скорее всего, рассчитаны на другой тип женщин, а я ведь не гламурная девушка. Я – исследователь, люблю факты, четкость в изложении мыслей, последовательность. А он толком и сформулировать не смог, что ему от меня нужно.

– Давайте лучше выпьем вина. А потом съедем чего-нибудь вкусенького, и вы расскажите мне об айяндаках.

– С удовольствием! Мне, пожалуйста, белого вина. Полусладкого.

Троеглазов очень удивился ее выбору, но виду не показал. Все его знакомые дамы предпочитали исключительно красные вина. Но Марина как будто прочитала его мысли.

– Меня моя подруга всегда ругает за то, что на приемах и банкетах я всегда выбираю белые вина. Говорит, это очень провинциально выглядит. Истинные ценители пьют только красные вина. Вот и вы удивились.

– Немного, но мы не на приеме, пейте, что пожелаете. Да и вообще, Марина, меня очень радует, что вы делаете свой выбор, не задумываясь о том, что подумают окружающие. Это очень ценное качество. За это и нужно выпить.

В перерывах между тостами и неторопливым поглощением закусок Марина рассказывала Троеглазову историю жизни Чингисхана. Судя по тому, как точно она описывала географию его перемещений, даты и места походов и наиболее значительных битв, Чингисхан был ей необычайно интересен. Конечно, слушать все это и Троеглазову было интересно, тем более что рассказчицей она была замечательной, но он никак не мог понять, в чем связь между этим знаменитым полководцем и таинственными айяндаками. Однако перебивать Марину не стал.

А ей так хотелось поделиться с кем-то заинтересованным, знающим своей гипотезой о происхождении айяндаков, что она не в силах была остановиться...

Глава 7

Известно, что у Чингисхана было четыре сына от жены его Бортэ и много детей от других жен. Но после смерти Великого воина его власть и владения наследовали только дети и внуки от Бортэ. О жизни остальных, незаконнорожденных, детей история умалчивает. Возможно, потому, что Чингисхан и сам не знал и не ведал, скольким детям он дал жизнь. Что ж, это вполне понятно и объяснимо – кочевой образ жизни, войны вдали от дома, красивые пленницы...

В летописях Карынпачи и в других источниках неоднократно встречается упоминание о том, что во время одного из своих последних завоевательных походов, перед великим Тангутским сражением, из которого Чингисхан не вернулся, его войско пленило большое количество русских женщин. Произошло это после того, как русские князья, выступавшие в союзе с половцами, перебили монгольских послов, пришедших к ним с миром. По Великой Ясе (свод законов Чингисхана) такой поступок требовал мщения. Чингисхан не заставил себя долго ждать...

Среди пленниц заметно выделялась одна, которую Чингисхан приблизил к себе. Считалось, что она была немой. Но у Карынпачи есть другая версия – она не знала русского языка, так как была представительницей того самого загадочного племени «чудь». Чингисхан приблизил ее к себе настолько, что позволял жить в своем жилище, одевал в меха, дарил украшения. Все знаки внимания, которые он оказывал молчаливой пленнице, говорят о сильном чувстве, охватившем Великого воина.

Молчунью летописец описывает как светловолосую зеленоглазую ведьму, способную одним только взглядом остановить бегущего коня или усмирить разбуянившегося воина. Никто, кроме Чингисхана, не мог приблизиться к ней.

Она прожила с Чингисханом недолго, а потом внезапно исчезла. Великий воин послал гонцов в разные стороны, обещал, что озолотит того, кто вернет беглянку, но все вернулись ни с чем. А потом Чингисхан пошел в свой последний поход на Тангут, откуда уже не вернулся.

Карынпачи в качестве одной из версий появления айяндаков выдвигает как раз эту «связь» между Великим воином и таинственной молчуньей, в результате которой на свет появился ребенок, не уступавший своему биологическому отцу ни в силе, ни в ловкости, но великий полководец не узнал об этом. Не успел.

Именно этот ребенок, сын Чингисхана, стал предводителем загадочного племени айяндаков, в течение многих лет наводившего ужас на местное население...

Троеглазов был очень благодарным слушателем. Он не перебивал Марину, а только удивлялся, как такая, мягко говоря, мифическая версия могла стать предметом исследования серьезного ученого, каким в его представлении была Марина Рябинина.

Рассказ Марины прервал Тимофей. С галантностью слона в посудной лавке, подражая манере официантов столичных ресторанов, он появился в «беседке» в переднике, толкая перед собой небольшой столик, заставленный большими тарелками, прикрытыми блестящими, словно зеркальными, крышками-колпаками.

– Марина Юрьевна, на горячее вы что желаете – рыбу или мясо?

– Тимофей, спасибо, конечно, но я уже сыта.

– Я так старался, не отказывайтесь, пожалуйста, а то Владлен Алексеевич лишит меня премии.

На Тимофея было жалко смотреть. Он так искренне пытался понравиться Марине, что Троеглазов рассмеялся.

– Мы катаемся еще не больше часа, а ты уже горячее подаешь... – попытался поворчать Владлен Алексеевич. – Рано еще, лучше Марине Юрьевне вина налей.

– Это, конечно, с удовольствием, но только катаемся мы уже третий час.

– Нам спешить некуда, – заметил Троеглазов, – завтра суббота, законный выходной. Можно хоть всю ночь кататься. Вы, Марина, не против?

– Вы согласны слушать меня всю ночь?

– И весь следующий день. И всю следующую неделю, если вы, конечно, не сбежите от меня в Финляндию.

Марина вспомнила, что опять не позвонила Гюнтеру. Похоже, этот Троеглазов начинает за нее принимать решения, так как она второй день живет по графику, совсем ей не свойственному. Однако это совсем не так уж и плохо – подчиняться его воле. Интересно, к чему может привести такое подчинение?

Пока Тимофей довольно ловко производил перемену блюд на столе, Марина спросила у своего слушателя:

– Как вам моя версия о происхождении айяндаков? Убедительно?

– Не очень.

– Я так и подумала. Все, кому я хоть раз говорила об этом, убеждали меня в ее полной абсурдности. Но я почему-то верю, что все именно так и было.

Троеглазов закурил. Мифическая версия, подтверждаемая лишь записями какого-то Карынпачи, официальной науке неизвестного, не внушала ему доверия. Сказать прямо об этом Марине он не мог, не хотел ее расстраивать, но в то же время принимать решение о Походе, основываясь лишь на псевдонаучных предположениях... Бред!

– А как все-таки наука объясняет тот факт, что загадочная немая женщина, которая даже славянкой не была, умудрилась оказаться в наложницах Великого воина? У вас есть своя версия этого союза?

– Версия есть, но ее научного доказательства нет.

– И все же?..

– Немая девушка-ведьма не случайно оказалась в плену у Чингисхана. Скорее всего, она действительно владела даром предвидения или какими-то другими шаманскими технологиями, которые позволили ей все правильно рассчитать: как попасть в плен, как попасть на глаза Чингису и тому подобное. Ей просто нужно было, чтобы отцом ее ребенка стал Великий воин. Ведь известно, что принадлежал он к роду Борджигинов, прародительницей которого по легендам была мифическая Алан-Гоа – мать всех монголов. К тому же он был зеленоглазым и рыжеватым, что, согласитесь, весьма странно для предводителя всех монголов, которые смуглы лицом и узкоглазы.

– Это как посмотреть...

– Да как ни смотри, даже в Сокровенном сказании говорится об этой его отличительной черте – необычном цвете глаз и волос, что свидетельствует об уникальности этого человека, о его неординарности. Кстати, другой не менее известный деятель времен восточного Средневековья, Тамерлан, тоже был зеленоглазым, светлолицым и рыжим. Возможно, этих воинов объединяет то, что они произошли от скифов-европеоидов.

– Кстати, у меня тоже волосы с рыжинкой. Возможно, я тоже стану великим человеком?

– Вообще-то я позиционирую вас как темного шатена. Это что касается цвета волос, а вот насчет всего остального, не берусь категорично утверждать обратное. Все данные для того, чтобы прославиться, у вас налицо. Да вы и так уже довольно известный человек и многого добились. И это при том, что у вас за спиной детдомовское прошлое. Таких людей, как вы, в России не так уж много.

Сказанное Мариной, похоже, приятно удивило Троеглазова. И совсем не тем, что Марина фактически сделала ему комплимент. Ему понравилось то, что она имеет представ-

ление о нем, значит, интересовалась. Это уже хорошо – видимо, не только про своего немецкого друга думает...

– А по поводу европейских черт лица у представителей кочевых племен вы зря удивляетесь. Когда я был в Китае, на самой границе с Алтаем, узнал, что там существует очень много свидетельств того, что задолго до нашей эры там жили люди со светлыми волосами и европейскими чертами лица.

– Вы там были? – удивилась Марина. – Искали там айяндаков?

– Искал, но не нашел...

Троеглазов закурил новую сигарету и призадумался.

За приятными разговорами собеседники не сразу заметили, что вышли в море, точнее, в Финский залив. Марина подошла к бортику, вдохнула воздух полной грудью.

Городские пейзажи за бортом сменились панорамой открытого моря. Марина за всю свою жизнь в городе на Неве ни разу не уплывала на катере так далеко в море, обычно прогулки оканчивались путешествием по рекам и каналам. А так, чтобы уйти далеко-далеко в синюю бескрайнюю даль... Нет, такого Марине никто не предлагал.

Троеглазов тоже встал из-за стола, подошел к ней. Подумал, какой молодец Тимофей, что так все продумал. Перед Мариной буквально на задних лапках стоит, чтобы только угодить. Вот и сейчас делает из капитанской рубки знаки, что надо бы снять пиджак и набросить на плечи девушки. Он, видимо, решил, что шеф испытывает к девушке самые нежные чувства, и старается от души – помогает Владлену Алексеевичу произвести на нее самое приятное впечатление.

Но Тимоша заблуждался. Ничего другого, кроме сугубо делового интереса, Троеглазов к Марине Рябининой не испытывал. Но разубеждать своего помощника не стал. Пусть старается, тем более что его спутнице старания Тимофея, похоже, нравятся. Он даже решил немного подыграть ему – снял пиджак и набросил на плечи Марины. Довольный помощник счастливо улыбался.

Ветер усилился и был уже не таким нежным и приятно охлаждающим кожу, как еще час назад, когда «Тайм-аут» бороздил не то Мойку, не то Фонтанку. Названия рек и речушек, пересекающих северную столицу, всегда вызывали у Троеглазова недоумение. Слишком уж неприятные они были для такого величественного, гордого города, как Санкт-Петербург.

Марина лишь кивком головы поблагодарила своего кавалера, укутавшись в теплый, приятный на ощупь пиджак.

– Марина, а вы любите море? – спросил он после небольшой паузы, во время которой каждый думал о своем.

– Да, наверное... Как, впрочем, любой человек.

– А я люблю горы. Море мне кажется слишком уж однообразным, что ли... Нет в нем загадки.

– Вот Айвазовский с вами наверняка бы поспорил. Он всю жизнь его писал, и в каждой картине море у него совершенно разное.

– Я думаю, у него просто не было возможности побывать в горах. Я бы ему такие места показал, которые он просто не мог бы не написать.

– Как Рерих?

– Да, кстати, наш был человек. Горы здорово чувствовал. Особенно мне нравится его «Брахмапутра». Но у нас с вами есть прекрасная возможность увидеть всю эту красоту.

– Брахмапутру? Далековато будет.

– Нет, я не именно эту гору имею в виду. Уверяю вас, Алтай вам не меньше понравится.

– Вообще-то я там была не один раз.

– Никогда не нужно упускать возможность побывать в горах еще раз. Тем более что мы сможем совместить полезное с приятным. Поищем там место обитания наших общих любимцев айяндаков.

– Как вы ловко подвели меня к главной теме. Чтобы я не отвлекалась, да? Я готова и дальше рассказывать вам о них, это мой конек.

– А я готов и дальше слушать о них. Ведь это и мой конек тоже.

– Так на чем мы остановились?

Глава 8

Домой Марина вернулась под утро. Галина Алексеевна не спала, сидела на кухне с вязанием. Это означало, что она волнуется. Марина вспомнила, что последний раз мама вот так же сидела ночью на кухне, когда она только-только начала встречаться с Гюнтером. Это было года три назад.

Надо же, сколько времени прошло, а она по-прежнему держала на коленях все ту же бежевую не то скатерть, не то салфетку, вывязывая крючком какие-то немыслимо сложные, витиеватые узоры. Да и выражение лица почти не изменилось. Дежавю...

– Ты опять была с этим магнатом? – спросила Галина Алексеевна тоном, не предвещающим ничего хорошего. Марине ссориться совсем не хотелось.

– С ним. Бороздили акваторию Финского залива на чудном катере, обсуждали детали совместной поездки.

– И все? – Мать по-прежнему сверлила дочь сердитым взглядом.

– А ты что, хотела бы услышать признание, что я с ним предавалась разврату?

– Представь себе – да! Уж если ты по ночам начинаешь свои экспедиции обсуждать, то это вообще ни в какие рамки не лезет. Дочь, ты меня пугаешь, честное слово!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.